

ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ

ПЕТР ПЕРВЫЙ

БЛАГО
ИЛИ ЗЛО
ДЛЯ РОССИИ?

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Евгений Анисимов

**Петр Первый: благо
или зло для России?**

«НЛО»

2017

Анисимов Е. В.

Петр Первый: благо или зло для России? / Е. В. Анисимов —
«НЛО», 2017 — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-4448-0849-8

Реформаторское наследие Петра Первого, как и сама его личность, до сих пор порождает ожесточенные споры в российском обществе. В XIX веке разногласия в оценке деятельности Петра во многом стали толчком к возникновению двух основных направлений идейной борьбы в русской интеллектуальной элите – западников и славянофилов. Евгений Анисимов решился на смелый шаг: представить на равных правах две точки зрения на историческую роль царя-реформатора. Книга написана в форме диалога, вернее – ожесточенных дебатов двух оппонентов: сторонника общеевропейского развития и сторонника «особого пути». По мнению автора, обе позиции имеют право на существование, обе по-своему верны и обе отражают такое сложное, неоднозначное явление, как эпоха Петра в русской истории. Евгений Анисимов – доктор исторических наук, профессор и научный руководитель департамента истории НИУ «Высшая школа экономики» (Петербургский филиал), профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Автор нескольких сотен научных публикаций, в том числе трех монографий по истории царствования Петра Первого.

ISBN 978-5-4448-0849-8

© Анисимов Е. В., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

Введение	6
Нуждалась ли Россия в реформах?	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Евгений Анисимов
Петр Первый: благо или зло для России?

© Е. Анисимов, 2017

© Д. Черногаев, иллюстрации, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

Введение

В западноевропейской историографии и западной культуре в целом личность и деяния Петра Великого имеют по большей части положительные оценки. Конечно, тут сыграл роль его общепризнанный имидж вестернизатора, модернизатора прежде отсталой России, воспользовавшегося культурным, техническим, военным и иным опытом западноевропейских стран.

В России же споры (в том числе научные) о характере реформ Петра Великого и его личности до сих пор не утихают. Это не случайно – Россия, в очередной раз пройдя круг (увы, не виток!) своей истории, возвращается к извечным вопросам о целесообразности, цене и значении преобразований. И тут же из глубин прошлого поднимается фигура Петра, который жизнь положил на поиски решения этих «проклятых» непреодолимых русских вопросов.

В данной работе я не собираюсь надолго останавливаться на историографии, ибо она попросту необъятна. Коснусь лишь самого важного для нашей темы. Итак, в первые постпетровские десятилетия XVIII века российская историография Петра Великого была исключительно комплиментарна, что характерно и для царствования его дочери, императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761). Да и всем прочим преемникам Петра Великого хотелось (и приходилось) считать себя продолжателями его дела, хотя в реальности могло быть и по-другому. Неудивительно, что тогдашняя историческая наука воспринимала его не иначе как демиурга, создавшего новую Россию, воплощенного бога, совершившего с ней, как писал вице-канцлер П. П. Шафиров, «метаморфозис, сиречь претворение». Великий русский ученый М. В. Ломоносов в унисон эпохе восклицал: «Он бог, он бог был твой, Россия!» Поколения русских мыслителей были убеждены, что, не будь Петра, мы бы несомненно пропали. Как писал В. Г. Белинский, без Петра Россия, может, сблизилась бы с Европой, «но точно так же, как Индия с Англией».

В немалой степени подобному взгляду способствовало популярное не только на Западе, но и в нашей стране сочинение Вольтера «История Петра Великого», написанное на основе присланных из России материалов. Оценки Вольтера были исключительно положительными. Да и позже «аплодисментный» тон историографии сохранялся. Историк XIX века М. П. Погодин писал: «Мы просыпаемся. Какой нынче день? – 18 сентября 1840 года. Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться – наше платье сшито по фасону, данному первоначально Петром, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он, шерсть настрижена с овец, которых развел он. Попадает на глаза книга – Петр Великий ввел в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее – этот язык при Петре сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят вам газеты – Петр Великий начал их издание. Вам нужно купить разные вещи – все они от шейного платка до сапожной подошвы будут напоминать вам о Петре Великом, одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге. За обедом, от соленых сельдей до картофеля, который сенатским указом указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом. После обеда вы едете в гости – это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам, допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого. Пойдем в университет – первое светское училище учреждено Петром Великим. <...> Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться, не можем оборотиться ни в одну сторону без того, чтобы не встретился с нами Петр, дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!»

Первые сомнения в правильности подобных оценок появились в царствование Екатерины Великой. Вышли они из-под пера профессионального историка князя М. М. Щербатова. Формально он принадлежал к когорте почитателей великого преобразователя России и даже

в одной из своих работ сделал «подсчет», за сколько лет Россия, не будь Петра Великого, достигла бы екатерининского процветания. Выяснилось, что это произошло бы только в конце XIX века! Как свидетельствуют современники, князь Щербатов был мизантроп и критикан, однако критиковал Петра необычайно тонко. В 1773 году он написал работу под названием «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого». В ней Щербатов приводит негативные оценки некоторых анонимных недоброжелателей Петра и его дел и... решительно опровергает их в русле господствующего историографического взгляда на государя-реформатора. При этом Щербатов раскрывает всю палитру тогдашних негативных суждений о Петре, знакомя читателей с новыми, для многих ошеломляющими идеями. Так в советское время мы знакомимся с запретными веяниями «оттуда» по критическим, порой разгромным статьям и брошюрам советских философов и историков. Чем больше было цитат из сочинений предаваемых анафеме авторов, тем глубже нам удавалось погрузиться в мир западных писателей и философов. Щербатов будто бы цитирует чьи-то обвинения Петра в жестокости, любви к казням и пролитию крови, в нецивилизованном отношении к окружающим, разврате, сыноубийстве, склонности к пьянству, в установлении свирепого режима самовластия и т. д. Как бы оправдывая вторжение в эту явно запретную сферу, он ссылается на свой долг историка – писать правду и даже обращается к Петру: «Каким бы ни было мое почтение тебя, но не затмит оно во мне справедливости, и я постараюсь испросить от Клио то золотое перо, которым дела монархов изображает».

Ловко замаскированная критика Щербатова стала первой ложкой дегтя в огромной бочке меда похвал царю-реформатору. Следующей вехой стало знаменитое произведение историка и писателя Н. М. Карамзина «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанная в 1811 году и сместившая фокус дискуссии с личности Петра (Карамзин так и пишет: «Умолчим о пороках личных») к общефилософским, историософским проблемам: нужна ли была России такая реформа, продуктивны ли были усилия Петра по перенесению на русскую почву институций и порядков чужих стран, не слишком ли дорого достались России плоды западной цивилизации, стоило ли подрывать традиции, разрушать уклад оригинальной русской жизни, порочить прошлое? Карамзин не прибегает к «хитрым» приемам Щербатова, а пишет прямо и горько, бросая Петру обвинения в губительном искажении основ национального менталитета: «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств. <...> Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Имя русского имеет ли для нас теперь ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною – Петр». Ясно, что идеи Карамзина порождены его временем; продиктованы они и драматической ситуацией накануне столкновения с Наполеоном, когда в национальной истории нужно было найти опору для борьбы...

Как известно, рассуждения Карамзина о Петре (вкуче с другими обстоятельствами) во многом послужили толчком к возникновению двух основных идейных направлений борьбы в русской интеллектуальной элите: западников и славянофилов. Их борьба, порой ожесточенная, в конечном счете вращалась вокруг Петра – центральной исторической фигуры Нового времени. Затихая и возобновляясь, ожесточенный спор, следуя извивам непростой русской истории и сменам идеологических концепций, продолжается, в сущности, до сих пор. Петр стал своеобразным индикатором, который позволяет практически сразу определить политические взгляды собеседника и даже его профессию. Однажды я слышал по радио, как министра по чрезвычайным ситуациям спросили о его отношении к великому реформатору. Он ответил вопросом на вопрос: «А как же можно относиться к государственному деятелю, который построил огромный город, Петербург, в зоне опасной для проживания людей, в зоне сокраще-

тельных наводнений?» Нет сомнений, что до сих пор в науке и обществе сохраняется черно-белое восприятие Петра и его преобразований.

Есть еще один, зачастую невидимый со стороны конфликт внутри историографии. Так вышло, что между историками, изучающими XVII и XVIII века, лежит некая пограничная полоса со столбом, на котором написано «1700 год». Близкие по изучаемой тематике историки подчас не понимают друг друга, избегают углубляться на «чужую территорию», опасаясь быть поднятыми на смех. Боязнь пересечь эту черту обусловлена несхожестью явлений и процессов в соседних по времени эпохах, а также существенным отличием исторических источников, во многом определяющих мировосприятие историка.

Исследователям победной эпохи петровских преобразований и всего XVIII века (вроде крупнейшего историка Н. И. Павленко) допетровская эпоха кажется в лучшем случае «черновиком», подготовительным этапом великих преобразований Петра, «вытащившего Россию из болота Средневековья», этакой «взлетной полосой» для петровской России Нового времени, устремленной вперед, к прогрессу. Историков же века XVII традиционно ориентировали на поиски проявлений «классовой борьбы» (любимый термин советской историографии – «XVII век – бунташный век»), которая должна была век от века разрастаться, чтобы достичь своего катарсиса – «Великой Октябрьской социалистической революции». В лучшем случае их направляли на поиски несовершенных «ростков капитализма», «признаков всероссийского рынка», явлений «бюрократизации». Исследования же тех ученых, кто пытался оценить процессы второй половины XVII века иначе, чем предписывалось официальной историографией (показать, что происшедшая после 1700 года резкая перемена – «прерванный полет», отказ от того оригинального пути, по которому Россия еще до Петра двигалась в том же направлении, что и вся Европа), явно не одобрялись историческим начальством. В своем искреннем желании показать своеобразие развития страны в XVII веке некоторые историки впадали в крайности, выдавали желаемое за действительное и даже невольно окарикатурировали предмет своих научных изысканий. Особенно это ярко сказалось в работах по истории времен царя Федора и Регентства царевны Софьи, принадлежащих перу А. П. Богданова.

Я – историк Петра, написавший несколько книг о его реформах, личности и царствовании. Многие годы Петр Великий занимал все мои мысли – столь он сложен и многогранен. Сейчас, когда схемы марксистского восприятия истории более-менее отошли в прошлое, приходит понимание того особого места, которое Петр занимает в сознании нашего общества. В отличие от властителей последующих времен он имеет безупречную государственную репутацию. Мы интуитивно чувствуем в нем государственного деятеля, который искренне отдавал свою жизнь, всю, без остатка, служению России. Вызывает симпатию его дерзость, оригинальность мышления, государственный романтизм, мечты о благе России. Удивительным образом многие его полюбили. Либералы и западники благодарны ему за открытие пути на Запад. Именно Петр приобщил нас к цивилизации, в которой свобода, правосудие, неприкосновенность личности и собственности превыше всего. Он заставил русское дворянство учиться и путешествовать, пробудил в нем понимание личной чести, человеческого достоинства и тем самым невольно предопределил появление русской интеллигенции, которая, несмотря ни на что, до сих пор хранит в нашем обществе начала свободы, достоинства и чести – всего того, что не продается и не покупается. Петр угодил технократам, чуждым политики, осуществив невиданный по объему перенос в Россию знаний, технологий, навыков. Он породил русскую науку, на пустом месте создал Академию наук, без которой немыслима русская цивилизация. А русская литература? Чем она обязана Петру? Марина Цветаева писала, что в тот момент, когда Петр остановил свой взгляд на маленьком арапчонке, этот взгляд сказал: «Пушкину – быть!» Петр-государственник угодил и приверженцам имперских ценностей и, как им кажется, животворной для России идеи авторитарной, «сильной» власти.

Но в оценке Петра и его великого дела европеизации я не могу пройти и мимо точки зрения, отрицающей петровскую «революцию сверху» и осуждающую ее принципы и методы. Да, кроме армии почитателей Петра есть небольшой взвод его недоброжелателей. Они тоже разные. Одни, как едко выразился известный публицист, патриоты «с капустой в бороде», полагают, что являются продолжателями славянофилов XIX века, но при этом не обладают интеллектом и знаниями Аксаковых и Киреевских.

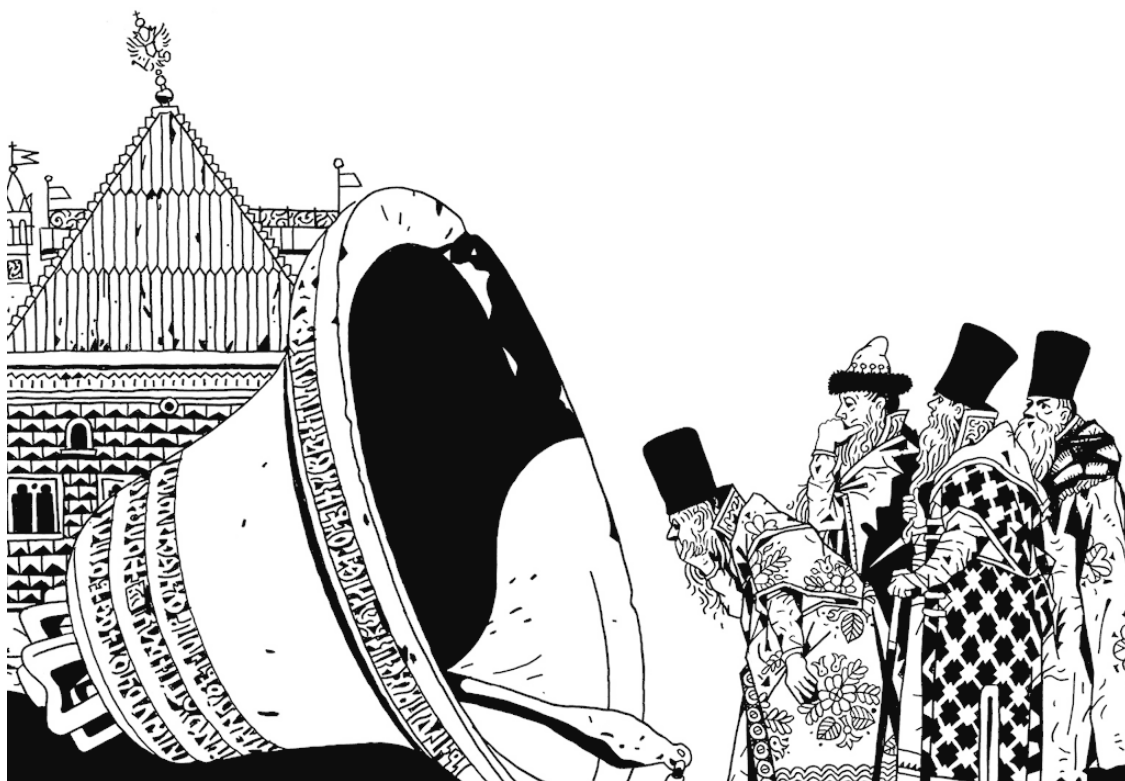
Другие недоброжелатели много знают о Петровской эпохе, но порой резко оценивают ее по современным меркам. Я не вижу в этом ничего зазорного. Не так уж и плохо следовать по пути, указанному Карамзиным, который в оценке действий людей в истории исходил из норм христианской морали. Это гораздо лучше, чем давать оценки людям, исходя из «классовых» или расовых критериев. Возможно, иным историкам может не понравиться мое отступление от историзма, если я скажу, что христианская мораль, существующая две тысячи лет и легшая в основу морали современного общества, вполне приложима и к Ивану Грозному, и к Петру, и к Сталину, учитывая то обстоятельство, что они не хуже нас знали главные этические принципы и прекрасно понимали, что любое злодеяние противоречит этим принципам. Недаром царь-убийца Иван Грозный порой впадал в состояние раскаяния, со слезами просил у Господа прощения и даже составил синодик – список своих жертв, адресованный Богу. И когда сбивался в перечне своих жертв, добавлял: «А остальных, Господи, Ты сам ведаешь».

Даже если строго придерживаться принципов историзма, невозможно закрывать глаза на очевидные недостатки и серьезные ошибки петровского реформаторства. В итоге, задумывая этот труд, я решил выступить перед читателем в двух ипостасях. В первой предстанет почитатель Петра, отчасти западник, отчасти государственник, словом – просвещенный патриот, который оправдывает и защищает его. Во второй ипостаси – умеренно консервативный патриот, который, напротив, осуждает Петра, но не огульно, а всесторонне изучая его биографию и деяния. Я убежден, что обе позиции имеют право на существование: они, как ни странно звучит, по-своему верны и красноречиво отражают сложную, неоднозначную роль Петра в русской истории.

Как в шахматной партии, которую разыгрываешь сам с собой, в обеих позициях я старался играть без поддавков, отстаивая каждую точку зрения с максимальной честностью, серьезностью и всей доступной мне аргументацией. Когда я читал лекцию на эту тему, то в роли почитателя я надевал шляпу, а выступая от лица критика, недоброжелателя, снимал ее... Не буду идти дальше в поисках аналогий. Достаточно вспомнить всегда актуального Салтыкова-Щедрина, который подробно описывал мирную беседу «мальчика в штанах» с «постреленком» – «мальчиком без штанов», между прочим фактически на ту же самую волнующую нас сегодня тему. Приводимые цитаты в тексте как бы записанной мной дискуссии пусть не кажутся читателю подобранными заранее. В жизни бывает, что пока твой оппонент говорит, ты хватаешь с полки книгу, находишь и зачитываешь цитату или, как ныне бывает чаще, пока он говорит, ты пишешь два-три ключевых слова в поисковой строке Google, и через мгновение у тебя на экране уже «висит» искомая цитата. Конечно, не все в споре можно уснастить точными цитатами, что-то вспоминается приблизительно – ведь это не научная статья, а дискуссия – особый жанр. Итак, начнем с самого главного вопроса...

Нуждалась ли Россия в реформах?

Почитатель:

Реформы Петра Великого были нужны для тогдашней России, которая плелась в хвосте европейских государств, была отсталой, в сущности, азиатской страной. Но самое главное, что следует помнить: в конце XVII века Россию поразил системный кризис. Черты его заметны во всех сферах жизни русского общества. Тут и явное экономическое и научно-техническое отставание от стран Западной Европы. Напомним, что в стране фактически отсутствовала собственная промышленность – два-три железоделательных завода, построенных голландцами под Тулой, – вот и все. Между тем потребность в металле непрерывно росла. И что же? Железо везли в огромных количествах с Запада, точнее из Швеции. Иначе говоря, страна полностью зависела от импорта. Собственные запасы руд не были разведаны. В России не добывали даже серебро – ввозили с Запада расхожие во всей Западной Европе иоакимсталеры (ефимки), затем на них спокойно выбивали российский герб и в таком виде пускали в оборот.

В числе прочих причин это сказывалось на уровне экономического развития страны, в которой отсутствовал общегосударственный рынок, а региональные связи не были толком налажены. Внешняя торговля напоминала торговлю европейцев с туземцами Микронезии: в страну ввозили самые разные товары, а вывозили исключительно сырье. Ко всему прочему «туземцы» сами в море со своими товарами не пускались, а ждали прибытия иностранного торгового каравана на берегу. К тому же страна не имела полноценного выхода к морю. Фактически у России был только один порт – в Архангельске, который тогда называли Городом. Внешняя торговля была сезонной и опять же напоминала отношения с чукчами или другими отсталыми, удаленными от центров цивилизации народами: в течение трех-четырех летних месяцев лед Белого моря отступал, и тогда караваны голландских, гамбургских, английских торговых судов, преодолев опасный путь вокруг Скандинавии, добирались до Архангельска. Лишь тогда город оживал, превращаясь в порт. Для предприимчивых голландцев это был не

менее опасный переход, чем торговая экспедиция в Батавию – собственную колонию в Индонезии. Словом, страна задыхалась без выхода к морю, без порта, доступного большую часть года. Вот откуда взялась петровская мечта о море!

А уж о том, чтобы самим плавать на своих кораблях, со своими товарами в порты Западной Европы, и мечтать не приходилось! В стране не строили судов с большим водоизмещением. Несомненно, архангельские кочи были хороши для охоты на тюленей и лова трески, но они не идут ни в какое сравнение с европейскими (прежде всего голландскими) китобойными и рыбацкими кораблями, уходившими целыми эскадрами к Гренландии и Ньюфаундленду. Не говоря уже о тысячах вместительных торговых судов, бороздивших все океаны мира. Да, при царе Алексее Михайловиче на Оке, в Дединове голландцы построили один за весь XVII век путевой корабль. Однако судьба его оказалась печальной – спущенный по Волге до Астрахани, он так и сгнил в одном из протоков Волги. Ведь куда на нем плыть, никто не ведал: Каспийское море – все равно что большое озеро. Словом, экономический «слой» системного кризиса очевиден.

Налицо был и кризис военного дела. Несмотря на то что русские цари из династии Романовых приглашали на Русь офицеров-наемников и принимали первые воинские уставы, наметился кризис, крайне болезненно ударивший по амбициям властителей «Третьего Рима». Малоподвижная русская армия таскала с собой огромные деревянные щиты, из которых солдаты собирали «гуляй-город» и сидели в нем, отбиваясь от неприятеля. На память не приходит ни одной продуманной наступательной операции или четко организованного сражения. И это во времена великих полководцев вроде Густава-Адольфа, Валленштейна, Монтекули! Россия десятилетиями не могла справиться с не менее архаичным войском Речи Посполитой, с трудом отбивалась от наскоков крымско-татарских орд. Не было у России в XVII веке такой войны, в которой русская армия не терпела бы обидных поражений. Дважды (в 1634 и 1659 годах) русская армия капитулировала вместе со своим главнокомандующим, генералами, знаменами, литаврами и пушками. Позор и унижение!

Со времен малоуспешных Чигиринских походов 1674–1678 годов стало ясно, что русская армия теряет боеспособность и как будто фатально обречена на неудачи. Крымские походы 1687 и 1689 годов это подтвердили, а попытки правительства царевны Софьи что-либо изменить в военном деле к успеху не привели. Петр и его окружение считали, что Крымские походы покрыли Россию позором из-за бездарности главнокомандующего – князя В. В. Голицына. Но пришел 1695 год, и Первый Азовский поход самого Петра закончился столь же плачевно. Лишь на следующий год, мобилизовав огромные силы, Петру удалось – да и то с немалыми трудами – взять Азов, устаревшую по тем временам турецкую крепость с немногочисленным гарнизоном. И наконец ставшая хронической полоса военных поражений завершилась сокрушительным разгромом под Нарвой поздней осенью 1700 года, когда армия потеряла всю артиллерию, знамена и генералитет, плененный Карлом XII.

Истоки военных «нестроений» крылись в разрушении фундамента, на котором с давних пор стояла русская армия, – поместной системы. Как известно, главным источником обеспечения служилых людей XVI–XVII веков было наделение их на время службы населенными земельными владениями – поместьями. В течение XVII века поместье эволюционировало в сторону вотчины – наследственного владения, то есть выданная на время службы земля (поместье) разными путями закреплялась в роду и становилась неотчуждаемой родовой собственностью (вотчиной). Это приводило к незаинтересованности помещика служить «с земли» и вело к распаду традиционной системы службы, основанной на иерархии поместных окладов. В то же время в провинции активные раздачи земель московским чинам приводили к разрушению уездного служилого города – военно-служилой организации уездного дворянства, бывшей важным элементом при формировании полков на войне. Поместная система, лежавшая в основе организации армии со времен Ивана Грозного, изжила себя. Время, когда помещик-воин со

своими боевыми холопами являлся в армию «конно, людно и оружно», безвозвратно прошло. Как ехидно писал Иван Посошков, крестьянский мыслитель, о старой армии, «людей на службу нагонят множество, а естли посмотришь на них внимательным оком, то ей, кроме зазору, ничего не узришь. У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем – копьями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов на неприятельскую голову по 3 и 4 и гораздо больше. <...> А естли на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно: вначале у них клячи худыя, сабли тупыя, сами нужны и безодежны, и ружьем владеть никаким не умелые. Истинно, государь, я видел, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то, что ему стрелить по цели хорошенько. <...> И егда бывало убьют татариннов двух или трех, то все смотрят на них, дивуюца и ставят себе то в удачу, а своих хотя человек сотню положили, то ни во что не вменяют». И последнее: «Я у многих дворян слыхал: „Дай де Боже Великому государю служить и сабли из ножен не вынимать“».

Неудачны оказались и начатые еще во времена Михаила Федоровича попытки реформировать армию путем устройства «новоманирных» полков по западноевропейскому образцу. В конце XVII века такие полки составляли большинство армии. Но и они терпели поражения наряду с дворянской конницей. Это неудивительно, ибо основа обеспечения «новоманирных» полков была, помимо денежного жалованья, все та же – поместье, да и в солдаты шли, как правило, обедневшие дети боярские.

Привилегированные стрелецкие полки прошли свой собственный путь к упадку. Размещенные в столице, в особых слободах, стрельцы усердно занимались торговлей, что мало способствовало поддержанию их боеспособности. К тому же близость к властям предрежающим, стремление последних подкупить и «приласкать» стрельцов – все это в условиях политического и династического кризиса приводило к распространению в стрелецкой среде преторианских настроений, превращало эту наиболее боеспособную часть армии в опасный инструмент политической борьбы.

Таким образом, в основе военного кризиса находился серьезнейший социальный кризис – недееспособной оказалась не только армия, но и вся система служилых чинов, которые, собственно, эту армию и составляли. У Петра даже не было необходимости разрушать старую чиновную систему – к концу XVII века она окончательно выродилась и быстро распалась. Выход из этого социального кризиса царь видел в кардинальном изменении статуса одних сословных групп, ликвидации других, создании третьих. Следствием стала крупномасштабная социальная реформа.

Да, в России допетровской эпохи возникало все больше полков нового, регулярного строя – да вот толку от них было немного: не они ли провалили два Крымских похода и не они ли сдались под Нарвой в 1700 году?

Отсталым казалось и государственное устройство тогдашней России: архаичная Боярская дума, наполненная напыщенными представителями древних родов, а также родственниками царей и цариц, мало что решала – всем заправляли «ближние люди», влиятельные фавориты, «лежавшие на ухе» государя и думавшие только о собственном благополучии. Они ведали подчас десятками центральных учреждений – приказов с их расплывчатыми компетенциями и примитивным делопроизводством. Государство жило не просто без бюджета, но даже без примитивной сметы текущих доходов и расходов, абы как! Страна величиной с современную Россию делилась на огромные уезды, во главе которых сидели воеводы – своеобразные удельные князьки, целью которых являлось преимущественно личное обогащение. Все это неповоротливое государственное хозяйство, наполненное «крапивным семенем» приказного «планктона», было не в состоянии ни производить идеи, ни реализовывать что-либо стоящее на практике. То же военное дело было рассредоточено по десятку приказов, которые попросту не могли координировать столь важную государственную сферу, как оборона.

Неудивительно, что экономическая слабость, государственная немощь, очевидный кризис военного дела непосредственно сказывались на международном престиже страны. Он был, если так можно выразиться, предельно низким. В преамбуле Вестфальского мирного договора, завершившего в 1648 году общеевропейскую Тридцатилетнюю войну, перечислялись все страны Европы, и Россия была упомянута в конце списка европейских стран, наряду с Валахией – турецким вассалом. Истинная окраина Европы! Любопытно, что до 1704 года Россия платила «выход» («тыш»), то есть дань, крымскому хану, который и сам являлся данником Османской империи. Хан позиционировал себя наследником Золотой Орды и на этом основании требовал от русского царя – владельца «русского улуса» – платежа ежегодного традиционного «выхода». Москва, ставшая уже давным-давно во много раз сильнее Крымского ханства, покорялась его требованиям. Делалось это ради того, чтобы унять хана-разбойника, который в случае неуплаты дани мог двинуть свою орду на южнорусские земли, жечь там села и города, грабить, убивать людей, увозить их в «полон». Поэтому каждый год из Москвы, как во времена Ивана Калиты, покорно везли в Бахчисарай «выход», стыдливо называя его «поминками», то есть подарками. А положить конец этому унижению суверенного государства в Москве не решались: за спиной крымской орды маячил ее хозяин – Османская империя, сила для тогдашней России неодолимая.

Обобщая, можно сказать, что из Москвы XVII века были видны только три столицы: Варшава, Стокгольм да Бахчисарай, а все другие – как в тумане; недаром остальной европейский мир считался в России «за морем», будто посуху туда и проехать нельзя. Впрочем, по этим направлениям изредка отправлялись дипломатические караваны, ничем не отличавшиеся от бухарских или китайских посольств, поражавших европейцев роскошью дивных подарков и азиатской дремучестью. Надолго во Франции запомнили посольство князя Я. Ф. Долгорукова. Оно довело до белого каления самого Людовика XIV своими непомерными требованиями в соблюдении весьма своеобразного дипломатического протокола, который, по мнению русских, подобал представителям русского государя, но был абсолютно неприемлемым при дворе «короля-солнца». Русские послы пытались указывать королю, когда ему надлежит встать, а когда снять шляпу при упоминании имени русского царя. Сами же при этом, в нарушение международных правил, пытались подторговывать привезенными в дипломатическом багаже мехами. После этого визита король и слышать не хотел об отношениях с Россией. И в Москве были обижены на французов. В итоге русско-французские отношения были фактически разорваны на пятнадцать–двадцать лет. Да и в 1682 году русский дипломат Симановский, прибывший ко двору бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма, «удерживал онаго курфюрста больше полутора часов своим упрямством и домогательствами где ему, курфюрсту, встать, где шляпу снять, какие чинить самому и какие ближним его вопросы, отрицался целовать руку у курфюрста и пить про его здравие, яко некоронованной особы». Вообще, Россию мучил комплекс превосходства в сочетании с комплексом неполноценности. Ощущая себя «Третьим Римом», единственно истинным «православным царством» и тщетно требуя от других держав соответствующего этому статусу уважения, Россия в то же время ясно осознавала свое бессилие в отстаивании своей исключительности, своих интересов. Невозможность вернуть завоеванные поляками, а потом и шведами земли, утрату которых стыдливо-уменьшительно называли «потерьками», была крайне унижительной. Всякий раз, встречаясь со шведскими послами на русско-шведской границе, проходившей по реке Плюссе (там, где теперь Псковская область граничит с Ленинградской), русские требовали вернуть свои «потерьки». На это шведские дипломаты в глаза смеялись своим коллегам, говоря: «А что вы можете? Где ваши силы, чтобы заставить нас вернуть сии земли?» – а потом ночью, не попрощавшись, сворачивали шатры и уезжали восвояси.

Наряду с этими проблемами имел место тяжелейший кризис русского мировосприятия и мироощущения. В середине XVII века в России произошло то, что названо точным термином

«раскол». За событиями, связанными с церковными реформами патриарха Никона, скрывались серьезные проблемы не только Русской православной церкви, но и православного средневекового сознания в целом. Некогда гармоничный для русского человека средневековый мир раскололся: вдруг выяснилось, что одни русские православные люди стали преследовать других русских православных людей как диких зверей, пытать, мучить, жечь живьем в срубах. Появилось понятие «раскольники» – враги веры и царя, хотя они ими не были. Гонимые жестокой властью, они скрывались по лесам, отвергая «никонианскую веру» и принявшую ее государственную власть. Запылали «гари» – если так можно сказать, автоаутодафе, в которых гибли десятки, сотни православных людей.

Немыслимо было раньше представить, чтобы северную святыню – Соловецкий монастырь – шесть лет осаждали не иноземные враги, а российские войска. И расправа с непокорными монахами – защитниками твердыни «истинной веры» – была жестокой, будто со злейшими врагами. Известно, что правительственные войска после взятия Соловков повесили на священных стенах монастыря пятьсот монахов. В некогда единой православной стране возникло то, что принято называть двоемыслием: в соборе, при царе и патриархе отбивали поклоны и крестились как положено – троеперстием, а дома, в домовой церкви, стряхнув казенную «нечисть», умильно молились на старинные образа и руку складывали в двоеперстие. Когда знаменитая боярыня Морозова заупрямилась идти в церковь и креститься «кукишем», в наказание у нее отобрали еще несколько вотчин. Потом она согласилась, послушав приехавшего ее убеждать окольничего Ртищева: «Сестрица, потешь царя и перекрестися тремя перстами, а втайне как хочешь, так и твори. И тогда отдаст царь холопей и вотчины твоя». Ртищев знал, что говорил: почти всегда так жила Россия. Вспомним бессмертное пушкинское, в «Капитанской дочке»: «Не упрямясь! Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) Поцелуй у него ружьку». Было от чего рухнуть устоям прежней чистой веры и православной, от дедов морали!

Образованность и книжная культура пребывали в плачевном состоянии. Ничтожны были тиражи книг (в большинстве священных и отчасти учебных), слишком мало было грамотных людей. Греческие патриархи и священники, часто приходившие на Русь, поражались невежеству русского духовенства, почти или совсем неграмотному, неспособному произнести более-менее связную проповедь. В стране практически отсутствовали инженеры, ученые, вообще образованные люди. Единственными носителями учености оказывались прибывавшие из Киево-Могилянской академии монахи польского и украинского происхождения, остававшиеся чужаками в русской православной среде. Сколь низок был авторитет Русской православной церкви, видно по событиям 1682 года, когда патриарх Иоаким подвергся глумлению и издевательствам во время Стрелецкого бунта и после него. Немыслимое для прежних времен событие – бесцеремонный обыск, который учинили мятежные стрельцы в кремлевских патриарших палатах в поисках прятавшихся везде родственников царя Петра, – прошел тогда как бы незамеченным на фоне бесчинств, царивших в тогдашней Москве.

А сколь примитивным, упрощенным стало русское искусство! Ведь токи византийской культуры, которые столетиями подпитывали русскую культуру, угасли, а изоляционизм – следствие религиозного неприятия окружающего мира – сыграл свою негативную роль: ушли в недостижимое прошлое творения гениальных мастеров, подобных Феофану Греку, Андрею Рублеву, Даниилу Черному и другим выдающимся живописцам XV–XVI веков.

Россия предпетровской поры остро нуждалась в том, что ныне называют переносом знаний и навыков. Через Украину, через киево-могилянский ученый круг в Россию поступало слишком мало информации, а главное – в ней не было научно-технических знаний. Русское общество оказалось отрезанным от современного ему, бурно развивавшегося европейского мира с открытиями Декарта, Ньютона, Локка и других мыслителей раннего Нового времени. Нет, положительно нужно было рубить окно в Европу!

И, наконец, последний штрих системного развала. С 1682 года Россия вверглась в пучину смуты, нестабильности, острого династического кризиса, порожденного борьбой двух группировок – детей и родственников первой покойной жены царя Алексея Михайловича (Марии Милославской) и клана, образовавшегося вокруг второй жены Алексея Михайловича – Натальи Нарышкиной. Благодаря открытому вмешательству стрельцов острота распрей внутри элиты усилилась во время царствования его болезненного сына Федора и особенно после его смерти. Стрельцы на тот момент стали играть в политике роль корпуса янычар. Смуту сеяли также и честолюбивые персонажи из верхов, подобные боярину князю И. А. Хованскому. Семилетнее правление царевны Софьи не способствовало разрешению династического кризиса и закончилось ее свержением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.